

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091); 168.521

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-20-31

В ПОИСКАХ ЛОГОСА: Н. А. ВАСИЛЬЕВ И П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

Прядко И. П.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)

129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Сопоставить подходы к построению современной неклассической логики двух мыслителей русского Серебряного века – Н. А. Васильева и П. А. Флоренского. Сопоставление проводится в свете учения о Логосе, сформулированного представителями философии всеединства.

Процедура и методы. Методология исследования включает общенаучные методы (анализ, синтез, дедукцию). Для воспроизведения логико-философских идей Флоренского автором были применены формулы языка логики исчисления высказываний.

Результаты. Показано, что поиск Н. А. Васильева в области логики был во многом определён религиозно-философскими интуициями этого мыслителя, что коррелирует с попытками П. А. Флоренского использовать математическую логику в целях обоснования богословских истин.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование проливает свет на формирование отечественных школ неклассической и математической логики в первые десятилетия XX в.

Ключевые слова: Н. А. Васильев, П. А. Флоренский, философия всеединства, воображаемая логика, Логос, силлогистика, математическая логика, богословская Истина, авторитет.

IN SEARCH OF LOGOS: N. A. VASILIEV AND P. A. FLORENSKY

I. Pryadko

Moscow State University of Civil Engineering

Yaroslavskoye Shosse 26, Moscow 129337, Russian Federation

Abstract

Aim. To compare the approaches of N. A. Vasiliev and P. A. Florensky, the representatives of the Russian Silver Age, to the structure of modern non-classical logic. The comparison is made in the light of the doctrine of Logos, formulated by the followers of the philosophy of unitotality.

Methodology. The research methodology encompasses general research methods (analysis, synthesis, deduction). To reproduce Florensky's logico-philosophical ideas, the author used formulas of the language of logic of the calculus of statements.

Results. It is shown that N. A. Vasiliev's search for logic was largely determined by his religious and philosophical intuitions, which correlate with P. A. Florensky's attempts to use mathematical logic to justify theological truths.

Research implications. The study sheds light on the formation of domestic schools of non-classical and mathematical logic in the first decades of the 20th century.

Keywords: N. A. Vasiliev, P. A. Florensky, philosophy of unitotality, imaginary logic, Logos, syllogistics, mathematical logic, theological Truth, authority

© СС ВУ Прядко И. П., 2022.

Введение

Ведущей парадигмой отвлечённой метафизики русского Серебряного века выступает философия и методология всеединства, где в качестве одной из ключевых была высказана мысль о единстве всего, о пересечении и объединении всех противоречий в мышлении *Логоса* – сверхсознания, творящего и охватывающего собой предметы и явления как материального, так и умопостигаемого мира. Не имея задачи дать полный анализ и оценку выводов этого метафизического направления, автор намерен рассмотреть влияние идей всеединства на динамику отечественной логики. В работе дан анализ логических выводов, предложенных двумя представителями отечественной философии Серебряного века – П. А. Флоренским и Н. А. Васильевым. Если первого из названных мыслителей по праву относят к ярким последователям В. С. Соловьёва (в работах о Павла дан синтез учения о Софии и положений православной догматики), в отношении второго можно утверждать, что принципы всеединства хотя и оказали влияние на его взгляды, однако не стали ведущими в логико-философском поиске, которым ознаменованы его произведения. Следует говорить об использовании казанским логиком концепции Логоса в целях обоснования необходимости новой модели мышления, более сложной и одновременно более востребованной в познавательной деятельности по сравнению с традиционными схемами аристотелевой логики. На это указывает обсуждаемый в статье отрывок из работы Васильева «Логика и металогика» [4, с. 94–123].

Философы-всеединцы исходили из убеждения, что мышление сверхприродного Логоса не вписывается в устоявшиеся схемы традиционной бинарной логики. Именно в этой связи мыслителями начала XX в. выдвигалось требование создания иной логики, которая позволила бы понять рациональность более высокого по сравнению с человеческим уровня. Исследователи, придерживавшиеся тра-

диции всеединства, обсуждали проблему противоречия, высказывали мысль о возможности примирения противоречия с логикой и призывали работать с противоречием, не превращая при этом систему используемых логических принципов в тривиальную систему. Попытки построения систем, допускающих противоречие в объекте мысли, стали предприниматься западными логиками только во второй половине XX – начале XXI вв. [14; 15; 16; 17].

В приводимых формулах для передачи логических выкладок о. Павла автор использует следующие константы языка логики высказываний: «-» – знак отрицания (ставится перед переменной), «∩» – знак конъюнкции, «→» – знак материальной импликации, «(», «)» – скобки.

Обращаясь к разным сферам научного знания, Васильев и Флоренский шли путём всеединой философии – синтеза гуманитарного и социального знания, естественнонаучного поиска, рациональных методов, с одной стороны, и интуиции – с другой. Это будет показано в настоящей работе.

Н. А. Васильев – первопроходец в области неклассической логики

Известно, что Васильев не сразу обратился к проблемам неклассической логики. Учёный закончил медико-биологический факультет Казанского университета, а затем и историко-филологический факультет этого крупнейшего в дореволюционной России высшего учебного заведения, под руководством профессора М. М. Хвостова защитил магистерскую диссертацию по позднеантичной истории. Н. А. Васильев серьёзно занимался литературой и литературной критикой, штудировал философию Гегеля, обращался к идеям Ч. Пирса [1, с. 10–13]. Накопленные на разных исследовательских поприщах знания оказались мощным толчком и предысторией к *воображаемой* логике. В своих работах казанский учёный не ставил перед собой задач, выходящих за границы формальной логики. Сосредоточившись на

законах этой науки (точнее, на их критике), Васильев создал новую *неклассическую* силлогистику, выбрав в качестве образца для своих логических построений традиционную классическую силлогистику Аристотеля.

Разберём истоки логических построений казанского учёного и отдельные фрагменты предложенной им системы логической неклассичности. Одним из источников разработок в области логической многозначности стала социальная психология, вопросы которой затрагиваются в антиковедческом исследовании Н. А. Васильева и в отдельных рецензиях, опубликованных на страницах казанских журналов. Большая часть этих работ вошла в сборник избранных произведений казанского учёного [4]. Вопрос, как влияют общественные условия на человеческую ментальность, неоднократно ставился Васильевым. В частности, отзыв учёного на работу Э. Л. Радлова по истории русской философии содержит рассуждения о своеобразии путей развития отечественной отвлечённой мысли¹. Казанский философ подчёркивает, что первые шаги отечественной метафизики Нового времени не могут быть поняты и оценены вне идеологического контекста, определяемого русским масонством [9] и, шире, вне мировоззренческого поиска русского дворянства в триумфальном для этого сословия XVIII в. Общественные вопросы выходили на первый план и в XIX в. в спорах русских западников и славянофилов, в столкновении этических взглядов В. С. Соловьёва и Л. Н. Толстого [3, с. 449–457], в политических и религиозных спорах автора «Братьев Карамазовых» с создателем «Анны Карениной». И это только наиболее яркие моменты динамики отечественной отвлечённой мысли, замеченные Н. А. Васильевым, Э. Л. Радловым, а затем В. В. Зеньковским и Н. О. Лосским [8, с. 439].

¹ Васильев Н. А. Рецензия на книгу: Радлов Э. Очерк истории русской философии. Петроград, 1921 // Казанский библиофил. 1921. № 2. С. 98–100.

Главным мотивом в научном поиске у Васильева стало переосмысление принципов, лежавших в основе современной ему науки – и логики в том числе. При этом критический взгляд на культурный опыт Европы и России сближал мыслителя с представителями философии всеединства. В программной статье «Логика и металогика» [4, с. 94–123] Васильев стремится показать, какое место в познании принадлежит закону противоречия. Философ убеждён, что обойтись без такого закона может тот, кто мыслит безошибочно. В данной связи казанский мыслитель рассуждает о сверхприродном Разуме, в арсенале познавательных средств у которого нет закона противоречия: ведь такому Разуму нечего опровергать в его всегда безошибочных выводах. Сверхприродная сущность, говорит далее Н. А. Васильев, мыслит по законам неклассической логики – металогики. Именно в металогики отсутствует функция опровержения ложных суждений за неимением этих последних. Сказанное – нюанс в логико-философских построениях казанского профессора, но этот нюанс весомый.

Вместе с тем Васильев осознавал, что металогика достаточно бедна для того, чтобы быть надёжным инструментом познания истины или методом её обоснования (доказательства). Недаром казанский философ определял металогику как сухой минимум, экстракт рациональности, необходимое условие всякого мышления и рассуждения.

В отличие от металогики отрицание предусматривается в классической аристотелевой логике. Что же представляет собой последняя с точки зрения слишком абстрактной и бедной содержанием металогики? Как утверждает Н. А. Васильев, отрицательные суждения могут появиться в системе рассуждений того, кто потенциально может ошибаться. В классической логике такие суждения необходимы, поскольку человеческое мышление не может достичь совершенства мыслительных операций сверхприродного Существа [4, с. 118]. Речь здесь может идти о грехе, по-

грешности – вечных спутниках брэнного и обиходного человечества. Предложенный Васильевым образ – Логос, высказывающий только истинные суждения, – соответствует представлениям о данной Сущности в философии всеединства, где выражение Логоса в идее есть истина, а сам Логос трактуется как Ум, способом бытия которого выступает вечное продуктивное мышление [6; 10].

Таким образом, тезис Васильева об утверждающем истину Духе не только отвечал установкам мыслителей русского Серебряного века, но и соответствовал позиции восточнохристианского богословия, которое рассматривало ложь как то, что от века отвержено и осуждено, причём осуждено сверхприродным Логосом.

Закон противоречия в системе логической неклассичности Н. А. Васильева

Известно, что Н. А. Васильев критику классической логики начал с переосмысления значения кванторного слова *некоторые* простых атрибутивных суждений. Затем он перешёл к формулировке закона исключённого четвёртого, который в воображаемой логике заменил принцип исключённого третьего аристотелевой логики. Такие изменения не могли не привести к изменению других логических принципов, в частности принципа противоречия. Данный принцип у Н. А. Васильева получил несколько иную формулировку и стал называться законом несамопротиворечия – законом, запрещающим противоречие в мыслях. В объекте мышления воображаемая логика Васильева допускает противоречие. Субъект мышления не может позволить себе быть противоречивым. Это подтверждает тезис, что неклассическая логика Васильева задумана как инструмент познания мира в его сложности.

Аналогичный подход к мыслительным операциям и предмету философских рассуждений даёт о себе знать в построениях всеединства. Абсолютное начало, воплощающее идею единства и множественно-

сти одновременно, выступает в качестве объекта размышления и анализа. Но анализируя свойства Абсолютного начала, В. С. Соловьёв и его последователи опирались на схемы традиционной логики. Так, создатель всеединой философии подверг критическому разбору концепции других направлений идеалистической метафизики и теории познания, используя при этом схемы доказательства, применяемые в аргументационной практике. В работе «Чтения о Богочеловечестве» в целях обоснования несостоятельности сделанного пантеистами вывода, что Абсолютное начало есть бытие, Соловьёв обращается к доказательству от противного [11, с. 121]. И в других фрагментах этого сочинения он стремится обосновать иррациональность и противоречивость Логоса при помощи рациональных аргументов [10, с. 26].

Уже в первом сочинении, посвящённом воображаемой логике, Н. А. Васильевым приводятся короткие выдержки из II Аналитики Аристотеля [2, с. 8]. Прочитанные казанским учёным положения Стагирита можно толковать в смысле, отличном от того, который ему приписывали логики-традиционалисты. Идеи греческого мыслителя иногда интерпретируют как базис для создания трёхзначной логики. Многозначность предусматривалась и в учении, разрабатываемом стоиками и мегарцами. Мыслители из соперничающего с Афинами полиса и вслед за ними философы-стоики определяли логику как науку о суждениях истинных, ложных и тех, которые не относятся ни тем, ни к другим (Близкое определение см. [12, с. 22–23]). Аналогично и в работе Аристотеля «Об истолковании» предлагалось деление суждений на истинные, ложные и неопределённые. Пересматривая положения Аристотелевского наследия и анализируя тексты Стагирита сквозь призму учений таких историков античной философии, как К. Прантль и Э. Мейер, Васильев в последнем разделе обсуждаемой статьи подробно разбирает воззрения европейских и российских философов и логиков, ограничивая обзор научным по-

иском, который вели исследователи XIX – начала XX вв. Создатель воображаемой логики связал возражения европейских учёных против традиционных логических классификаций с признаками нарастающего бунта против архаичных представлений о правилах и законах человеческого мышления, очерчиваемых принципами тождества, противоречия, исключённого третьего и др. в их устоявшейся университетско-академической интерпретации. По убеждению современников Васильева, его поиск не ограничивался только наукой о правильном мышлении, но и затрагивал методы познавательной деятельности, разного рода ментальные процессы¹.

Идеи неокантианской гносеологии в преломлении автора воображаемой логики

Важно отметить, что в стремлении обновить законы логики казанский учёный искал опору в выводах современной ему западной отвлечённой мысли. Среди работ Н. А. Васильева значительное место занимают рецензии на книги и статьи западноевропейских и российских авторов. Опубликованные в разных научных изданиях рецензии не только свидетельствуют о широте кругозора казанского исследователя, об интенсивности научной жизни в Казанском университете, но и позволяют говорить о влиянии на научные выводы Васильева идей А. Пуанкаре, Ф. Поллана, Ч. Пирса, Э. Л. Радлова, А. И. Введенского и, в особенности, представителей неокантианского направления в метафизике и методологии науки. Идеи неокантианства нашли отражение в первой опубликованной работе Н. А. Васильева по неклассической логике. Здесь не только содержатся ссылки на неокантианцев Круга или Зигварта, но также доказывается аналогичное неокантианскому положение об особенностях образования понятий в науках о духе. Не всё принимая в логическом

учении Риккерта и Виндельбанда, казанский учёный подчёркивал, что теоретическими достоинствами их подхода выступают *изящные детали и тонкие частности*² [4, с. 134]. Одновременно Васильев отмечал методологическое несовершенство, демонстрируемое в их работах. Это несовершенство им связывается с недооценкой разработок в области неклассической и математической логики.

Как же гносеология немецких философских школ повлияла на логическое учение русского мыслителя? Отталкиваясь от выводов неокантианцев, в статье «Воображаемая (неаристотелева) логика» Васильев рассуждал об отрицательных суждениях как о выводах из умозаключений. Именно умозаключение казанский логик рассматривал в качестве исходной формы мысли. В частности, отрицательные суждения философ считал результатом умозаключений по модусу I фигуры силлогизма *Celarent*, причём первая восстанавливаемая Васильевым большая посылка должна содержать положение о несовместимости субъекта и предиката суждения. Меньшая посылка содержит отождествление предмета мысли с субъектом большей посылки. Схема такого умозаключения, на взгляд автора настоящей работы, должна выглядеть следующим образом:

N исключает *P*, несовместимо с *P* (большая посылка, положение о несовместимости)

S есть *N* (меньшая посылка содержит мысль об *S*, приравнённом к *N*)

S не есть *P* (выводное отрицательное суждение)

При помощи одного из модусов просто-го категорического силлогизма Васильев реконструировал психологический механизм образования отрицательных суждений. Дадим слово самому казанскому мыслителю: «Мы обычно не замечаем, что при отрицательных суждениях мы имеем дело с выводом. Причина этого заключена в том, что вывод этот является для нас при-

¹ Бажанов В. А. Николай Александрович Васильев: жизнь и творчество // Воображаемая логика. М.: МГУ, 1989. С. 221.

² Васильев Н. А. Рецензия на книгу В. Виндельбанда и А. Руге «Энциклопедия философских наук» // Васильев Н. А. Воображаемая логика. М.: МГУ, 1989. С. 134.

вычным, и поэтому совершается настолько быстро и механично, что не доходит до сознания» [4, с. 61]. Важно отметить, что подсознательная деятельность, подчиняющаяся законам логики, рассматривалась не только Васильевым. Задолго до Николая Александровича аналогичные вопросы поднимал психофизиолог Г. Гельмгольц [7, с. 193]. Ниже будет показано, что стремление в логике двигаться не от понятий как исходных форм мысли к суждениям и умозаключениям, а от суждений и умозаключений к понятиям характерно не только для Васильева, но и для Флоренского.

П. А. Флоренский: в поисках богословской Истины

Непростым оказался путь к логике русского философа и священника П. А. Флоренского. Мыслитель был убеждён, что обретение полноты религиозной жизни возможно только на пути преодоления интеллектуальных соблазнов века сего. Таким соблазном выступают ренессансное мышление и лежащий в его основе рационализм. И чтобы показать идейную несостоятельность *возрожденства*, о. Павел в качестве инструмента доказательства применяет математическую логику.

Хотя трактат Флоренского «Столп и утверждение Истины» касается проблем богословия, его содержание затрагивает также вопросы естествознания, эстетики, древней и новой истории, математики и математической логики. Потому фундаментальный труд учёного интересовал и продолжает интересовать даже *невоцерковлённых*, вполне светских и, видимо, далёких от теологии читателей. Уже основной предмет исследования – *Истина* как в богословском, так и в естественнонаучном «профаном» варианте, – у Флоренского трактуется как самопротиворечивое суждение. В данной связи довольно часто приводятся следующие слова о. Павла: «На вопрос “Почему A есть A ?” отвечаем: “Потому A есть A , что вечно бывая не- A , в этом не- A оно находит своё утверждение как A ”. Точнее: A потому есть A , что оно

есть не- A » [13, с. 147]. Что истина есть противоречие, делается явным, лишь только истина получает своё вербальное оформление: тогда «тезис и антитезис образуют выражение истины» [13, с. 147].

В последней из приведённых фраз о. Павла угадывается влияние диалектических идей классической немецкой философии. В первую очередь, стоит вспомнить Спинозистский тезис *определение есть отрицание*, а во вторую очередь, изложение логических антиномий у Иммануила Канта. У автора «Критики чистого разума» операция отрицания связывается с определением, т. е. отождествлением двух понятий – определяющего и определяемого. В трактате Флоренского проблема антиномий получает связь с действием закона тождества. Заметим здесь, что рассуждения Флоренского в чём-то напоминают идеи философа-неокантианца В. Г. Круга, работы которого, к началу XX в. основательно забытые, стремился *рекапитулировать* (выражение самого казанского учёного) Н. А. Васильев. Для Круга закон тождества – фундаментальный логический принцип, который одновременно выступает принципом тезиса, антитезиса и синтеза.

Интерес представляет тот факт, что противоречие может быть выявлено, когда получает, как уже было сказано, словесное оформление. Формулы языка, причём как естественного, так и искусственного, у Флоренского выступают в качестве метода экспликации антиномий. Такими формулами и являются приводимые о. Павлом логические высказывания, написанные на символическом языке Дж. Пеано. При этом Флоренский в качестве противоречивых (видимо, рассудочно противоречивых) рассматривает те формулы, которые математическая логика к числу таковых не относит. Например, условное суждение, части которого соединены знаком импликации, где антецедент и консеквент имеют значение *ложь*.

Итак, противоречивость истины обнаруживается в процессе коммуникации. Чтобы перейти от суждения A к суждению B (т. е. обосновать A при помощи B), необ-

ходимо обосновать *A* как *A*, т. е. объяснить и доказать *A*. Это возможно, если *A* нами мыслится ясно и отчётливо. Но прежде, нужно обосновать *A* через *B*. Усматривая в этом круг в доказательстве, о. Павел дополняет закон тождества законом достаточного основания. Два формальнологических закона составляют, по Флоренскому, *наличную форму рассудка* [13, с. 59]. Таким образом, основной тезис рассуждений религиозного мыслителя состоит в том, что любое *A* может быть познано в сопоставлении с не-*A*, т. е. через своё другое (через не-*A*). Не-*A* – условие существования *A*, среда, в которой *A* существует.

Вполне в духе диалектических представлений начала XX в. выдержан тезис Флоренского, касающийся антиномии: последняя есть «такое предложение, которое, будучи истинным, содержит в себе совместно тезис и антитезис, так что недоступно никакому возражению» [13, с. 152]. Для постижения истины, её *утверждения*, полагает о. Павел, необходима теория антиномии. Подходы к данной теории были намечены в фундаментальном трактате учёного-богослова. Однако в создании такой теории антиномичности гораздо дальше, чем православный всеединец, продвинулся казанский профессор Н. А. Васильев.

Методологические принципы Васильева и Флоренского: схождения и расхождения

Когда Флоренский намечал пути создания теории антиномий, он ещё не предполагал, что аналогичная задача уже была поставлена и в каком-то смысле решена его современником – логиком Н. А. Васильевым. При определённом сходстве нельзя не принять во внимание различия в установках, лежащих в основе логических программ двух исследователей. Здесь следует отметить три существенных, на взгляд автора, момента. *Во-первых*, о. Павел трактовал антиномичность в терминах разрабатываемой им теодицеи. Не так у Васильева. Теизм казанского учёного носил неправославный, отвлечённо

идеалистический характер. *Во-вторых*, в центре внимания казанского логика находился закон противоречия, а религиозный учёный рассматривал закон тождества, из которого им выводились и закон противоречия, и закон исключённого третьего. Логические же экспликации у о. Павла имеют не только религиозный, но и философский смысл. Теистическая их направленность определена омоусианской (т. е. единосущностной) установкой православного всеединства.

Сразу постараемся объяснить смысл терминов, используемых христианским философом. Концепция омоусианства (не путать с омиусианством), возникающая в работах православного всеединца, предполагает наличие единства между субъектом познавательной деятельности и объектом познания. Такое единство, по Флоренскому, – гарантия постижения подлинной сущности предмета. Ренессансная установка на познание, по убеждению о. Павла, иная. Субъект познавательной деятельности здесь самодостаточен, существует отдельно от объекта. В виду этого приходится пожертвовать подлинностью результата познания: исследователь получает модель объекта, его копию в сознании познающего субъекта. Ренессансную познавательную установку Флоренский называл *подобосуцием* (омиусианством). Автор настоящей работы убеждён, что именно в рамках омоусианских восточно-христианских установок приобретают корректность логические выкладки о. Павла.

Обсуждение проблем антиномичности у Флоренского, как мы уже отмечали, не замыкается на контroversах богословия. К проблеме противоречия, что подчёркивает в своей работе о. Павел, в истории мысли неоднократно обращались философы и логики. Проникая мысленным взором в глубины истории, Флоренский выделяет Гераклита, Зенона Элейского, Парменида, Платона, Порфирия, Николая Кузанского, Гегеля и даже Ницше. Антиномичность как аналитический принцип проникла в науки об обществе, в системы логического счисления (Д. Пеано), в науки о рукотвор-

ных технических системах. В число дисциплин, работающих с противоречием, входят физика, механика, логика (имеется в виду логическое учение Канта), лингвистика и др. Уже сам дискурс идеалистической философии Серебряного века, как мы видим, предполагал использование схем, более сложных, чем бинарные истинностно-ложные. Такая неоднозначность обусловлена обращением отечественных мыслителей-всеединцев к социальной феноменологии, где предметом анализа выступают внутренне противоречивые объекты – социальные классы, религиозные доктрины, региональные культуры, деятельность творцов культуры и пр. Именно о внутренних противоречиях социального мира, углубление которых наблюдалось в эпоху «войн и революций», писали Н. А. Бердяев, С. А. Аскольдов, Л. П. Карсавин и др. По убеждению перечисленных авторов, глубина противоречий социокультурной динамики определяет трагизм мировой и российской истории.

В отношении к Канту и его последователям видится основное расхождение между подходами в логике и в теории познания П. А. Флоренского и Н. А. Васильева. Для Флоренского гносеология Канта – крайнее проявление ренессансного типа мирозерцания. А конечным продуктом той самой интеллектуальной «апостасии» выступает у о. Павла марбургское неокантианство, ознаменовавшее, как утверждал религиозный философ, *смерть философии*, её отказ от решения смысложизненных проблем. Флоренским, например, отвергался тезис неокантианцев, что производное человеческого духа – культура – представляет собой основной предмет философского знания. Однако в отношении фрейбургских последователей автора «Критики чистого разума» Флоренский оказался благосклоннее. Именно логика стала здесь сферой примирения. Васильевым логико-философское наследие неокантианства, как мы уже отмечали, оценивается в целом позитивно, в чём можно усмотреть влияние другого казанского профессора – гносеолога и логика

П. С. Порецкого, в работах которого нашли отражение умеренно-позитивистские и неокантианские установки.

Отвергая цели неокантианства, имитационную природу предлагаемого им миропознания, Флоренский, как Васильев, тем не менее, признавал разрабатываемые адептами данного направления методологические установки. Так же, как представители фрейбургской школы, он говорил о необходимости двигаться в логическом выводе от суждений к понятиям и рассматривал первые в качестве основной формы абстрактного мышления. «Формальная логика, основанная Аристотелем, – пишет П. А. Флоренский, – начинает с понятий, и из них построены далее суждения. Напротив, гносеологическая логика, особенно в трудах Риккерта, начинает с суждений и при помощи них устанавливает понятия... В первом случае понятия – первичные элементы, а суждения – вторичные, во втором случае – наоборот, но та и другая логика сходятся в монистическом понимании логических элементов» [13, с. 622]. Такой подход русский учёный считает уместным в познавательном процессе. Именно потому Флоренский логику неокантианцев называет гносеологической логикой: «На логико-алгебраический алгоритм мы посмотрим под углом зрения именно гносеологической логики, т. е. сочтём основным актом познания – суждение» [13, с. 622].

Использование логико-математических идей в богословском трактате Флоренского. VI письмо: Противоречие

Рассуждая об истине и истинности как характеристике нашего знания о мире, как значении и цели познавательной деятельности человека, о. Павел Флоренский обратился к инструментарию математической логики. При этом религиозный мыслитель прибёг, как уже отмечалось выше, к формулам современной ему математической логики в целях обоснования тезиса о допустимости и даже неизбежности противоречий в рассуждениях о предметах сущего.

По убеждению о. Павла, необходим такой математический алгоритм, который позволил бы оформиться логической теории антиномичности.

В VI письме *Противоречие* трактата «Столп и утверждение Истины» Флоренский рассматривает две, по его убеждению, формулы антиномии. То, что о. Павел определяет как антиномию, современными специалистами рассматривается в ряду парадоксов материальной импликации. Антиномичность в логических доказательствах возникает как результат использования схемы умозаключения *сведение к абсурдному*. Эта схема, если запись о. Павла несколько модернизировать и перевести на символический язык современной логики, будет выглядеть следующим образом:

$$(\neg p \rightarrow p) \rightarrow p \quad (IV)$$

Здесь и далее даётся нумерация формул, используемая о. Павлом в трактате «Столп и утверждение Истины». Парадоксальная в интерпретации Флоренского формула с точки зрения логики высказываний есть тождественно-истинная формула. Из данной формулы мыслитель путём замены переменной p её отрицанием и введения правила снятия двойного отрицания получает формулу (IX) своих построений:

$$(p \rightarrow \neg p) \rightarrow \neg p \quad (IX)$$

Конъюнкция двух формул (IV) и (IX) даёт формулу антиномии P . При этом формула P получена путём присоединения к конъюнкции p и $\neg p$ тождественно-истинной формулы V (Флоренский называет эту формулу *знаком истины*). Формула P выступает в качестве тождественно-ложной, т. к. V есть суждение всегда истинное, а другой член конъюнкции всегда будет ложен (см. формулу (X)):

$$P = (p \wedge \neg p) \wedge V \quad (X)$$

Флоренский отличал формулу антиномии от самого противоречия. Первая раз-

нится от второго прибавлением формулы истины V . Перевернув знак истины, мы получаем знак лжи L . L – знак, служащий обозначением тождественно-ложных суждений. Такой тождественно-ложной формулой выступает конъюнкция формул p и $\neg p$. Это в нумерации о. Павла формула (XI):

$$L = (p \wedge \neg p) \quad (XI)$$

Как же отличить антиномию, выражающую истину, от противоречия, которое ложно независимо от истинностного значения входящих в неё переменных? Сам Флоренский следующим образом объясняет, как связаны антиномия и «простое противоречие»: «По своему составу P несколько не разнится от простого противоречия V , а потому в сфере рассудочной лишь *авторитет* (курсив наш. – И. П.) является тем перстом, который отличает истинность P в сравнении с V » [13, с. 152]. Видимо, наиболее существенной для о. Павла в данном фрагменте выступает ссылка на внелогическое содержание высказываний. В роли высшего арбитра здесь обозначен авторитет. Однако в целом рассуждение религиозного философа должно быть признано как ошибочное. Даже воспроизведение доказательства в детализированном виде, как это сделано в приводимой ниже формуле (XII), не делает вывод о. Павла верным:

$$\{[(\neg p \rightarrow p) \wedge (p \rightarrow \neg p)] \rightarrow [(p \wedge \neg p) \wedge L]\} = P \quad (XII)$$

Дальнейшие пояснения представителя русского всеединства не меняют сути дела. Антецедент в формуле (XII) есть совокупность (конъюнкция) тезиса и анти-тезиса $[(\neg p \rightarrow p) \wedge (p \rightarrow \neg p)]$, которая как раз и является тождественно-ложной подформулой. Консеквент рассматриваемой формулы (XII) $[(p \wedge \neg p) \wedge L]$ тоже ложен. Отсюда формула P истинна в силу ложности антецедента. И если в формуле (XII) P имеет значение «истина», то в формуле (X) у Флоренского P ложно. Надо полагать, что именно формула (XII) выражает заду-

манную о. Павлом «логику антиномичности». Отдельные исследователи творчества Флоренского высказывают предположение, что в формуле (X) символ V должен вводиться через дизъюнкцию. В этом последнем случае восстанавливается корректность предлагаемых о. Павлом логических выкладок, на этот раз предусматривающих выбор между истиной и противоречием. Но отвечает ли это представленным выше богословско-философским размышлениям автора религиозного трактата? Вопрос, на который текст VI письма ответа не даёт.

Заключение

Известно, что период конца XIX – начала XX вв. был ознаменован кризисом в разных областях научного знания. Данный кризис охватил как дисциплины, ориентированные на постижение ключевых аспектов человеческой ментальности, так и научные области, предметом которых выступает окружающая природа, универсум. Созданная стараниями физиков, химиков, сторонников естественнонаучного эне-

гетизма второй половины XIX в. электромагнитная картина мира не разрешила фундаментальных противоречий физической теории. В психологии видные её представители говорили об открытом кризисе в исследовании человеческой психики [5]. О трудностях, возникших в обосновании арифметики, что выразилось в спорах вокруг Г. Кантора и его теории, довольно часто упоминается в связи с увлечением П. А. Флоренского этим немецким математиком. На вызовы, связанные с кризисом господствующих форм рационального познания, западная логика отвечала поворотом от дедуктивных методов обоснования истины к индуктивным, от теорий к чистой эмпирии. Российские исследователи на данные вызовы ответили нестандартно – активизацией поиска неклассических дедуктивных систем. В массиве этих поисков выделяются воображаемая логика Н. А. Васильева и логико-математические построения П. А. Флоренского.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажанов В. А. О влиянии идей Ч. Пирса на творчество Н. А. Васильева // Современная логика: проблемы, теории, истории и применения в науке: материалы конференции, г. Санкт-Петербург, 18–20 июня 2020 г. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 10–13.
2. Васильев Н. А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвёртого // Учёные записки императорского Казанского университета. 1910. Т. 77. Кн. 10. С. 3–47.
3. Васильев Н. А. Логический и исторический метод в логике (Об этических системах Л. Н. Толстого и В. С. Соловьёва) // Сборник в честь Д. А. Корсакова. Казань: Изд-во М. А. Голубева, 1913. С. 449–457.
4. Васильев Н. А. Воображаемая логика. М.: МГУ, 1989. 263 с.
5. Выготский Л. С. Лекции по психологии. М.: Перспектива, 2019. 148 с.
6. Гугова С. Г. Основания метафизики в философии всеединства // Вестник Нижегородского государственного университета. 2020. № 2. С. 11–18.
7. Ждан А. Н. История психологии от античности к современности. М.: Академпроект, 2018. 587 с.
8. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Академпроект, 2020. 551 с.
9. Масонство в его прошлом и настоящем: сборник: в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. С. П. Мельгунов, Н. П. Сидоров. СПб.: Задруги и К. Некрасов, 1914. 291 с.
10. Писарчик Т. П. Ранние представления В. С. Соловьёва о Софии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 6 (88). С. 25–32.
11. Соловьёв В. С. Чтения о Богочеловечестве. М.: Юрайт, 2021. 185 с.
12. Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. Ч. 1 / сост. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 577 с.
13. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с.

14. Cotnoir A. J. Theism and Dialetheism // *Australian Journal of Philosophy*. 2018. № 96 (3). P. 592–609.
15. Martin B. In Defence of Dialethism: A Reply to Beziau and Tkaczyk // *Logic and Logical Philosophy*. 2018. № 27 (2). P. 205–233.
16. Tkaczyk M. The Case of Dialethism // *Logic and Logical Philosophy*. 2019. № 25. P. 203–224.
17. Weber Z. Atheism and Dialetheism; or, 'Why I Am Not a (Paraconsistent) Christian' // *Australian Journal of Philosophy*. 2019. № 97 (2). P. 401–407.

REFERENCES

1. Bazhanov V. A. [On the Influence of C. Pierce's Ideas on the Work of N. A. Vasiliev]. In: *Sovremennaya logika: problemy, teorii, istorii i primeneniya v nauke: materialy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 18–20 iyunya 2020 g.* [Modern Logic: Problems, Theories, Histories and Applications in Science: Conference Proceedings, St. Petersburg, June 18–20, 2020]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2020, pp. 10–13.
2. Vasil'ev N. A. [On Private Judgments, on the Triangle of Opposites, on the Law of the Excluded Fourth]. In: *Uchyonye zapiski imperatorskogo Kazanskogo universiteta* [Scientific Notes of the Imperial Kazan University], 1910, vol. 77, pt. 10, pp. 3–47.
3. Vasil'ev N. A. [Logical and Historical Method in Logic (On the Ethical Systems of L. N. Tolstoy and V. S. Solovyov)]. In: *Sbornik v chest' D. A. Korsakova* [Collection in Honor of D. A. Korsakov]. Kazan, M. A. Golubev's Publ., 1913, pp. 449–457.
4. Vasil'ev N. A. *Voobrazhaemaya logika* [Imaginary Logic]. Moscow, Moscow State University Publ., 1989. 263 p.
5. Vygot'skiy L. S. *Lekcii po psikhologii* [Lectures on Psychology]. Moscow, Perspektiva Publ., 2019. 148 p.
6. Gutova S. G. [Foundations of Metaphysics in the Philosophy of Unity]. In: *Vestnik Nizhnevar'tovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevar'tovsk State University], 2020, no. 2, pp. 11–18.
7. Zhdan A. N. *Istoriya psikhologii ot antichnosti k sovremennosti* [The History of Psychology from Antiquity to the Present]. Moscow, Akademprom Publ., 2018. 587 p.
8. Lossky N. O. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy], Moscow, Akademprom Publ., 2020. 551 p.
9. Mel'gunov S. P., Sidorov N. P., eds. *Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem: sbornik. Ch. 2* [Freemasonry in its Past and Present. Pt. 2]. St. Petersburg, Zadruzi i K. Nekrasov Publ., 1914. 291 p.
10. Pisarchik T. P. [Early Ideas of V. S. Solovyov about Sofia]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2018, no. 6 (88), pp. 25–32.
11. Solov'yov V. S. *Chteniya o Bogochelovechestve* [Readings about God-mankind]. Moscow, Yurait Publ., 2021. 185 p.
12. Lebedev A. V., ed. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Ch. 1* [Fragments of the Early Greek Philosophers. Pt 1]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 577 p.
13. Florensky P. A. *Stolp i utverzhenie Istiny. Opyt pravoslavnoj teodiceji* [Pillar and Affirmation of Truth. Experience of Orthodox Theodicy]. Moscow, AST Publ., 2003. 640 p.
14. Cotnoir A. J. Theism and Dialetheism. In: *Australian Journal of Philosophy*, 2018, no. 96 (3), pp. 592–609.
15. Martin B. In Defence of Dialethism: A Reply to Beziau and Tkaczyk. In: *Logic and Logical Philosophy*, 2018, no. 27 (2), pp. 205–233.
16. Tkaczyk M. The Case of Dialethism. In: *Logic and Logical Philosophy*, 2019, no. 25, pp. 203–224.
17. Weber Z. Atheism and Dialetheism; or, 'Why I Am Not a (Paraconsistent) Christian'. In: *Australian Journal of Philosophy*, 2019, no. 97 (2), pp. 401–407.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прядко Игорь Петрович – кандидат культурологии, доцент кафедры социальных, психологических и правовых коммуникаций Московского государственного строительного университета;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor P. Pryadko – Cand. Sci. (Culturology), Assoc. Prof., Moscow State University of Civil Engineering;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прядко И. П. В поисках логоса: Н. А. Васильев и П. А. Флоренский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 20–31.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-20-31

FOR CITATION

Pryadko I. P. The in Search of Logos: N. A. Vasiliev and P. A. Florensky. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 4, pp. 20–31.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-20-31